

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 4. С. 28–45.
Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology. 2024;9(4):28-45.

Научная статья

УДК 94(7)

doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-4-28-45

КРИЗИС БРИТАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ ИМПЕРИИ И ВОССТАНИЯ В КАНАДЕ 1837–1838 Г.

Иван Михайлович Нохрин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, ivan-nokhrin@yandex.ru, 0000-0001-6319-3661

Аннотация. Предлагаемая статья ставит целью доказать, что восстания 1836–1837 гг. были, по сути, не борьбой за демократизацию и либерализацию колониальной политической системы, а столкновением двух версий национализма, распространившихся в Канаде в то время: британского, представленного оранжистами, «конституционалистами», колониальными чиновниками и верными им людьми, и, собственно, канадского, приверженцами которого стали англоязычные «реформаторы» и франкоязычные «патриоты». Первый традиционно лежал в основе мировоззрения всех тех, кто переселился в Канаду из метрополии, или, если родился в Америке, находился под сильным влиянием мощной английской национальной интеллектуальной традиции, уходившей корнями в XVI в. Второй ещё только начинал оформляться и был свойственен небольшому кругу интеллектуалов и политически активных колонистов, готовых совершить «прыжок веры» и стать не англичанами, но канадцами. Вопрос о демократизации системы колониального управления в этом контексте имел значение не сам по себе, а главным образом, как символ утверждения и эмансипации канадской нации. Однако в силу недавнего возникновения канадской национальной идентичности, её влияние на происходившие события оказалось недостаточным, чтобы привести к радикальным социально-политическим изменениям. Как свидетельствуют источники, до самого последнего момента восстание не входило в планы канадских националистов. Это кажется вполне очевидным, учитывая, насколько сумбурны, противоречивы и непоследовательны были их действия, когда началось насилие. Многие важнейшие вопросы: независимость или конституционные реформы в Канаде, выбор между мирной или вооружённой формой борьбы, отношение к США, их историческому опыту и перспективам вхождения в их состав — всё это решалось буквально на ходу. Создаваемому проекту канадской нации ещё явно требовалось время, чтобы оформиться, а затем — завоевать умы и сердца людей. Однако адепты британского национализма не собирались терпеть подобного рода эксперименты в своей стране. Их агрессивные действия при явном попустительстве властей спровоцировали ответную реакцию и вооружённый конфликт, в котором неподготовленные «патриоты» были обречены на поражение.

Ключевые слова: история британской империи, история Канады, национализм, канадский национализм, восстания 1837–1838, национальная идентичность, национальное самосознание

Для цитирования: Нохрин И. М. Кризис британской национальной идентичности в североамериканских колониях империи и восстания в Канаде 1837–1838 г. // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 4. С. 28–45. URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/40-magistra-vitae-4-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-4-28-45*

Original article

CRISIS OF BRITISH NATIONAL IDENTITY IN THE NORTH AMERICAN COLONIES AND THE REBELLIONS IN CANADA OF 1837–1838

Ivan M. Nokhrin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ivan-nokhrin@yandex.ru, 0000-0001-6319-3661

Abstract. The proposed article aims to prove that the rebellions of 1836–1837 were, mainly, not a struggle for democratization and liberalization of the colonial political system, but a clash of two versions of nationalism that were widespread in Canada at that time: the British version, represented by the Orangists, “constitutionalists”, colonial officials and people loyal to them, and, on the other side, the Canadian version, the adherents of which were the English-speaking “reformers” and French-speaking “patriots”. The first version of nationalism was traditionally put at the basis of the worldview of all those who moved to Canada from the mother country, or, if born in America, were strongly influenced by the powerful English national intellectual tradition, rooted in the 16th century. The second was just beginning to take shape and was the characteristic of a small circle of intellectuals and politically active colonists who were ready to become not British, but Canadians. In this context the issue of democratizing the colonial governance system was not important per se but drew attention mainly as a symbol of the affirmation and emancipation of the Canadian nation. However, due to the recent emergence of Canadian national identity, its influence on the events that took place was insufficient to lead to radical changes. According to sources, until the very last moment, rebellion was not a part of the plans of Canadian nationalists. This seems quite obvious, given how chaotic, contradictory and inconsistent their actions were when the violence began. Many important issues: independence or constitutional reform in Canada, the choice between a peaceful or armed form of struggle, the attitude towards the United States, its historical experience and the prospects of joining it — all this was decided literally on the fly. The emerging project of the Canadian nation clearly needed time to take shape and then to win the hearts and minds of the people. However, the adherents of British nationalism were not going to tolerate such experiments in their country. Their aggressive actions, with the obvious connivance of the authorities, provoked a response and an armed conflict in which the unprepared “patriots” were doomed to defeat.

Keywords: History of the British Empire, history of Canada, nationalism, Canadian nationalism, rebellions of 1837–1838, national identity, national self-consciousness

For citation: Nokhrin IM. Crisis of British National Identity in the North American Colonies and the Rebellions in Canada of 1837–1838. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2024;9(4):28-45. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/40-magistra-vitae-4-2024.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-4-28-45

«Нам нет смысла ожидать с другой стороны Атлантики ничего, кроме как несправедливости...», — провозгласили собравшиеся колонисты на митинге в Монреале 15 мая 1837 г.¹ Затем участники собрания решили начать бойкот английских товаров — рома, бренди, вина, чая, табака, сахара, хлопка, льна, шерсти — и, по возможности, заменить их контрабандой из США. Слова канадских «патриотов» звучали так радикально, а наполнявший их символизм настолько откровенно связывал происходившие в Канаде события с опытом американской войны за независимость, что, казалось, дни британской империи в Северной Америке сочтены. Однако, как теперь уже известно, протесты и даже вооруженные выступления против имперских властей в Канаде 1837–1838 гг. не получили достаточной поддержки среди колонистов, а потому не привели ни к независимости, ни даже к сколь-либо серьез-

ному подрыву британского суверенитета над Канадой.

Обращаясь к вопросу о возникновении идеи канадской независимости, некоторые историки заявляют о наличии у канадских «патриотов» намерений повторить революционный опыт США и принять за образец американскую конституционную модель, как минимум, с конца 1820-х гг. [Ducharme M., 2010; Jones B. T., 2014] Однако свидетельства тому в источниках они не находят. Более того, те исследователи, которые настаивают на давней и последовательной приверженности «патриотов» к американскому республиканизму, и сами не приводят тому достаточных доказательств, а строят свою аргументацию на материалах 1837 г. и даже более поздних [Filteau G., 2003; Lamonde Y., 2019]. При том они, как кажется, просто не видят ничего странного в том, чтобы проецировать тенденции из этих источников на предшествовавшее десятилетие. Хотя сам факт наличия подобных идей в 1837 г. не может служить

¹ Vindicator, May 16, 1837.

доказательством их существования несколькими годами ранее.

Объяснение этой историографической коллизии можно найти в стремлении ряда современных канадских историков считать восстания в Канаде 1837–1838 гг. частью так называемой «атлантической революции» — движения за демократизацию политической системы, гражданские права и свободы и социальное равенство, в которое включаются также американская война за независимость, французская революция 1789 г., борьба за независимость в колониях испанской Америки и многие другие подобные события, даже российское движение декабристов [Greer A., 1995; Bonthius A., 2003; Ducharme M., 2006] Говоря об этом, канадские исследователи не сомневаются, что их соотечественники были приверженцами самых актуальных и прогрессивных идей той эпохи, причём в их наиболее передовой, радикальной и успешной, т. е. американской форме. Именно поэтому они не сомневаются в их длительном «вызревании» и существовании в Канаде, даже если это и не находит широкого подтверждения в источниках.

Отталкиваясь от этого противоречия в существующей канадской историографии, предлагаемая статья ставит целью доказать, что восстания 1836–1837 гг. были по сути не борьбой за демократизацию и либерализацию колониальной политической системы, а столкновением двух версий национализма, распространившихся в Канаде в то время: британского, представленного оранжистами, «конституционалистами», колониальными чиновниками и верными им людьми, и, собственно, канадского, приверженцами которого стали англоязычные «реформаторы» и франкоязычные «патриоты». Первый традиционно лежал в основе мировоззрения всех тех, кто переселился в Канаду из метрополии, или, если родился в Америке, находился под сильным влиянием мощной английской национальной интеллектуальной традиции, уходящей корнями в XVI в. Второй ещё только начинал оформляться и был свойственен небольшому кругу интеллектуалов и политически активных колонистов, готовых совершить «прыжок веры» и стать не англичанами, но канадцами. Вопрос о демократизации системы колониального управления в этом контексте имел значение не сам по себе, а главным образом, как символ утверждения и эмансипации канадской нации. Однако в силу недавнего возникновения канадской национальной идентичности, её влияние на происходившие события оказалось

недостаточным, чтобы привести к радикальным социально-политическим изменениям.

На одном из июньских митингов 1837 г. в местечке Сен-Лоран известный колониальный политик Л.-Ж. Папино задал собравшимся вопрос, будет ли благом для Канады оставаться британской колонией или лучше стать одним из штатов США. И тут же сам дал ответ. Союз с Британией унижителен, продолжал он, а объединение с США — это «равенство и братство, а также самые свободные институты в мире»¹. Папино не мог не понимать, что за эти слова противники могут обвинить его в измене и будут, в значительной степени, правы. Другие лидеры канадских «патриотов» также выступали в поддержку присоединения Канады к США. Один из депутатов ассамблеи и авторов девятина двух резолюций, А. Н. Морин открыто заявил на страницах «Либерал», что будет лучше, если Канада станет частью США². Его соратник Э.Б. О'Каллахан, которого часто называли «правой рукой» и «заместителем» Л.-Ж. Папино издал в Монреале Декларацию независимости США 1776 г. и подготовил для «Виндикэйтор» серию статей о текущей повестке дня в соседней стране. Как утверждает его биограф Дж. Верни, эти публикации должны были сформировать у читателей впечатление, будто присоединение Канады к США необходимо и достижимо [Verney J., 1994, p. 120]. Друг О'Каллахана, журналист и публицист Т. С. Браун пошёл дальше и написал серию писем в Нью-Йорк Дейли Экспресс, в которых убеждал американскую публику в желании канадцев присоединиться к ним, поскольку «они американцы». Эти канадцы, продолжал Браун, «во многом, завидуют институтам ваших конфедеративных штатов и теперь хотят, чтобы эта провинция была включена в их число». Журналист предлагал американцам присоединить рабовладельческий Техас, о чём его жители попросили Вашингтон в 1836 г., и «уравновесить» его за счёт «свободной» Канады³. Эти публикации были перепечатаны в «Виндикэйторе», переведены на французский в «Минёрв», а затем опубликованы отдельными памфлетами.

Примеру Брауна последовали и другие «патриоты», начав буквально заваливать газеты в соседних американских штатах письмами в поддержку «аннексии» Канады. В частности, Л. Дюверне,

¹ Vindicator, June 13, 1837.

² Le Libéral, August 5, 1837.

³ New York Daily Express, May 2, 1837; The Vindicator, June 2, 1837; La Minerve, June 9, 1837.

также депутат ассамблеи Нижней Канады доказывал жителям соседней республики, что «подавляющее большинство населения страстно желают республиканских институтов» и потому «аннексия принесёт народу счастье»¹. Другой анонимный автор, вспоминая войну 1812 г., констатировал полную перемену в умонастроениях канадцев, которые, как он был уверен, больше не желали воевать с соседями, а даже наоборот, хотели вступить с ними в союз [Little J., 2008, p. 75]. Эти письма получали широкую известность, поскольку американская пресса была доступна и в Канаде. Более того, они создавали впечатление, будто американцы и сами поддерживают идею присоединения британских колоний, раз публикуют такое однозначные заявления.

В течение лета 1837 г. по Нижней Канаде прокатилась волна организованных патриотами митингов. Их сторонники обычно сообщали о 2–3 тыс. собравшихся в каждом графстве. Перепроверить эти данные не представляется возможным, поскольку других отчётов о мероприятиях не сохранилось. Однако общее число проведённых встреч, судя по публикациям «Виндикэйтор», насчитывало несколько десятков. В документах, которые принимались на митингах «патриотов», американцев теперь часто называли «братьями». «Если резолюции лорда Джона Рассела одобрены Палатой общин, народ этой провинции должен перестать оказывать любую поддержку властям метрополии, — заявили жители графства Ту Маунтиз на митинге в Сен Схоластик. — И мы больше не будем обременять себя, направляя верноподданнические петиции враждебным к нам властям, но будем протестовать...против беззакония, которому мы подвергаемся, полагаясь ради восстановления наших прав, ради предначертанного нам будущего, ради наших потомков на Провидение, на гражданские и личные достоинства и самоотдачу народа, НА ПОДДЕРЖКУ НАШИХ БРАТЬЕВ В СОСЕДНИХ КОЛОНИЯХ, В НЕЗАВИСИМОСТИ ОТ ВЕРЫ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ, на нашу собственную веру в свободу И НА ПОДДЕРЖКУ СОСЕДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ [выделение регистром, как в оригинале. — *И. Н.*]². Причём, что особенно примечательно, после одобрения собравшимися, петиции и резолюции отправлялись не в Лондон, как это было ещё несколькими годами ранее, а в Вашингтон, на адрес Конгресса

¹ L'Estafette, April 17, 1838.

² Vindicator, June 6, 1837.

США с просьбами установить справедливость и законность в Канаде³.

Разговоры о «союзе» с США стали настолько частыми, что «конституционалисты», как называют в канадской историографии радикальных британских националистов, коих отличал ярко выраженный шовинизм и нетерпимость по отношению к франкоканадцам, придумали «патриотам» прозвище «американская партия» (Parti américain), словно переименовав их более раннее самоназвание «канадская партия» (Parti canadien)⁴. Вообще же активность «конституционалистов» тоже заметно нарастала [Senior E. K., 1985, p. 12]. Они полагали, что за риторикой «патриотов» стоит лишь ненависть к британцам, желание захватить колонию под свой полный контроль и истребить в ней всё британское. Сторонников Папино «конституционалисты» называли «кликкой франкоканадских мятежников» и продолжали увеличивать численность боевых отрядов — так называемых, британских стрелковых корпусов — которые, несмотря на однозначное распоряжение губернатора, так не были распущены, а лишь на какое-то время пропали из виду, но уже в 1837 г. снова открыто собирались, маршировали и тренировались в стрельбе. Вступавшие в них волонтёры объясняли свои не вполне легальные занятия тем, что в сложившейся ситуации только оружие может гарантировать им дарованные британской конституцией права и свободы [Heaman E. A., 2009, p. 147–175]⁵. Официальные власти теперь предпочитали не чинить им препятствий.

Ответом «патриотов» стало создание их собственных боевых организаций. В августе 1837 г. А. Уиме, Л.-Ж. Папино, Э.Б. О'Каллахан, Т. С. Браун провели в Монреале первую встречу общества под названием «Сыны свободы», целью которого провозглашалось чтение газет, обсуждение новостей и военные тренировки [Senior E. K., 1985, p. 17]. Название со всей очевидностью отсылало к эпохе американской революции, равно как и намекало на характер деятельности. Организация была разделена на шесть батальонов, в соответствии с численностью районов Монреала, во главе каждого поставлен полковник. Генералом назначен Т. С. Браун, он отвечал за организацию тренировок и «парадов» — так назывались периодически проводимые шествия вооружённых

³ Le Libéral, July 22, 29, August 29, 1837.

⁴ Le Canadien, June 19, October 2, 1837.

⁵ Montreal Gazette, January 16, 1836; Niagara Reporter, 14 September, 1837.

«патриотов» по городу¹. Как и их оппоненты, «Сыны свободы» считали, что оружие необходимо им для защиты собственных прав и называли себя народным ополчением (*militia*).

В колонии Верхняя Канада ситуация развивалась идентичным образом, но с некоторой задержкой. При изучении источников складывается впечатление, будто местные «патриоты», или как они сами называли себя, «реформаторы» следили за единомышленниками из Монреаля, стараясь не отставать, но и не забегать вперёд. В июле 1836 г. их лидер У. Л. Маккензи начал издавать газету «Конституция». Его публикации становились всё более смелыми в постоянной критике уже не только колониальных, но и имперских властей. Наконец, в октябре 1837 г. Маккензи заявил: «Если эта провинция и Нижняя Канада станут штатами великого Союза по соседству, ценность всякой собственности вырастет в цене, население начнёт удваиваться каждые несколько лет, наша торговля всегда будет в хорошем состоянии, наши предприятия значительно расширятся, ресурсы провинции станут востребованы и будут приносить пользу, мелкая партийная грызня исчезнет в великом океане республиканизма» [Jones V. T., 2014, p. 62]. Его соратник Дональд Маклеод заявлял, что канадцы «...изголодались по свободе и жаждут свободы. Они хотят быть участниками свободных институтов США»². Таким образом, идея аннексии торжествовала и в Верхней Канаде.

Важно отметить настойчивое стремление «реформаторов» сблизиться или даже объединиться с «патриотами» из соседней провинции. Сама идея периодически поднималась в течение всего лета 1837 г. пока, наконец, не оформилась в план созыва общеканадского Конгресса с целью согласования и принятия конституции Канады. В одном из своих посланий соседям «реформаторы» выражали «глубокую благодарность...уважаемому Луи Жозефу Папино... и его соратникам за проявленное ими единство, мужество, благородную независимость в стремлении к гражданским и религиозным свободам, и за их самоотверженное, благородное и патриотическое противодействие попыткам британского парламента нарушить их конституцию, лишиться власти и привилегий их местный парламент, держать их в страхе принудительными мерами и возмутительным по-

приятием их справедливых и законных желаний»³. Как видно, французский язык и католическое вероисповедание «патриотов» не только не мешало «реформаторам», но и считалось частью тех самых прав и свобод, которые нарушались британским парламентом и потому нуждались в защите.

Однако не все в Верхней Канаде были столь широких взглядов. Параллельно при активной поддержке губернатора Ф. Хэда в провинции росло количество лож Оранжевого ордена и их членов. Одна из принадлежавших им газет с говорящим названием «Патриот» писала о чувствах «непомерного отвращения и ярости», которые вызвала «дерзость тех, кто осмелился вторгнуться в пределы нашего королевства, чтобы проповедовать мятеж против нашей милостивой Королевы и славной Конституции» [Carol W., 2000, p. 187]. Эти слова могут показаться явным преувеличением, ведь после 1815 г. на территорию Канады больше никто не вторгался, а многие из тех, кто выступал с критикой имперских властей, родились британскими подданными, причём даже не в колониях, а в Старом свете. Зато газета вполне точно отражала умонастроения канадских оранжистов. Для них была неприемлемы любые сомнения в правоте британских властей, а значит, непогрешимости королевы и конституции, символизировавших британскую нацию. И даже более того, критика этих столь дорогих для сердца каждого британского националиста имперских политических институтов приравнивалась к иностранному вторжению, соответственно, её источник лишался права считаться частью британской нации, объявлялся враждебным агрессором, даже если от рождения принадлежал к числу королевских подданных.

Как сообщает канадский историк У. Кэрол, к осени 1837 г. оранжисты и их сторонники сделали практически невозможными мирные политические собрания «реформаторов». Провокаторы заявлялись к ним на встречи и устраивали драки, избивали, тех, кого удавалось застать врасплох на улице или дома, крушили помещения, где проходили мероприятия. И всё это при полном попустительстве властей, которые не пытались сохранить хотя бы видимость законности [Carol W., 2000, p. 186–187]. Уже в сентябре 1837 г. массовые драки стали обычным делом в Торонто и окрестных городах. Сообщая об одной из них, газета

¹ Brown T. S. 1837, My Connection with it. Quebec, 1898. P. 20.

² McLeod D. A Brief Review of the Settlement of Upper Canada. Cleveland, 1841. P. 6.

³ The Declaration of the Reformers of The City Of Toronto To Their Fellow-Reformers In Upper Canada // Read C. Rebellion of 1837 in Upper Canada. Montreal, 1985. P. 62.

«Патриот» писала о четырёх сотнях оранжистов и их сторонников, разогнавших митинг в городке Лондон [Carol W., 2000, p. 186]. В конце концов и сами «реформаторы» стали создавать отряды самообороны и вооружаться, поначалу лишь камнями и палками, но затем некоторые стали приносить на митинги пистолеты и ружья.

Растущее размежевание и радикализация «патриотов» и «реформаторов», с одной стороны, и британских «конституционалистов», с другой, приводило ко всё более ожесточённым столкновениям. Наиболее крупное из них состоялось в Нижней Канаде 6 ноября 1837 г. В этот день порядка 350 «сынов свободы» собрались во дворе таверны, принадлежавшей одному из их числа. Узнав об этом митинге, на место начали стягиваться вооружённые «конституционалисты», уверенные, что их противники в тот самый момент «выступают там с речами, и ликуют, и обсуждают измену меж собой за закрытыми дверями» [Senior E. K., 1985, p. 59]. Они выкрикивали оскорбления и бросали камни через забор, но в этот раз переоценили свои силы. Их было всего несколько десятков в тот момент, когда «патриоты» распахнули ворота и напали на окруживших таверну неприятелей. «Патриотов» воодушевило их численное превосходство и быстрое отступление противников, а потому они принялись громить дома тех, кого считали своими врагами. Однако «конституционалисты» быстро оправались от внезапного удара, собрали силы со всего Монреаля и перешли в контратаку. Как сообщали очевидцы, «сыны свободы», коих на улицах в самый напряжённый момент насчитывалась порядка 500 человек, оказались в меньшинстве, и были вынуждены отступить в пригороды [Carol W., 2000, p. 60]. Пользуясь этим, толпа разгромила типографию «Виндикэйтор» и попыталась сжечь дом Л. Ж. Папино, находившийся в центре Монреаля, но была разогнана подоспевшими войсками.

Однако на этом инцидент не был исчерпан. Командующий британскими войсками в Канаде генерал Дж. Колборн вознамерился найти и арестовать ответственных за погром 6 ноября и одновременно избавиться от давних политических противников. Были изданы ордера на арест Папино, О'Каллахана, Деривера, Брауна, Перро и других «патриотов», в том числе, и многих депутатов ассамблеи. В то же время из монреальского городского совета были исключены все, кто хотя бы отчасти мог быть заподозрен в симпатиях к «патриотам», а на их место поставлены верные губернатору люди [Christie R., 1848, vol. 4, p. 443].

И поскольку лидеры «канадской партии», в т. ч. Л.-Ж. Папино, покинули город ещё в ходе беспорядков, это следовало трактовать не столько как угрозу лично им, сколько как символическое послание их сторонникам. Отныне те не могли рассчитывать ни на представительство их интересов в органах власти, ни даже на защиту закона.

Осознав угрозу, «сыны свободы» скрылись в сельской местности, где начали собираться в отряды. По оценкам современных историков, им удалось вооружить порядка 3,5 тыс. человек. Однако ополченцы были рассредоточены по обширной территории трёх графств — Сен-Шарль, Ришельё и Сен-Эташ — и ни в одном месте численность их отрядов не превышала 600–800 чел. Им не хватало оружия, снаряжения и, более всего, боевого опыта [Greenwood F. M., Wright B., 2002, p. 14]. Но кроме того, и это следует особо подчеркнуть, события, которые вошли в историю под названием «восстание 1837 года», начинались как стихийная массовая драка в Монреале, причём не первая в своём роде, хотя и довольно многочисленная. Как убеждены многие современные историки, и нет причин с ними не соглашаться, лидеры «патриотов» не собирались устраивать мятеж и не были готовы к такому повороту событий не только организационно, но, прежде всего, морально [Greer A., 1993, p. 305; Jones B. T., 2014, 65–66]. Они строили баррикады в деревнях и на дорогах и организовывали патрули в надежде избежать массовых арестов и защититься от насилия со стороны «конституционалистов», но не собирались вести наступательных действий или, тем более, захватывать Монреаль, как, например, предполагал губернатор Госфорд.

Единственная победа, которую «патриотам» удалось одержать в столкновениях с регулярными войсками, случилась 23 ноября 1837 г. В тот день полковник Ч. Гор послал солдат в атаку на деревню Сен-Дени в холодную погоду и под проливным дождём. Не добившись быстрой победы, он дал приказ об отступлении, беспокоясь, как бы его люди не замерзли насмерть надвигающейся ночью. Что же касается «сынов свободы», то они вели себя предельно пассивно, лишь отстреливались из окон домов и укрытий и даже не помышляя о контратаке [Bernard J. P., 2001, p. 7–8]. В последовавших сражениях в Сен-Шарль, Сен-Бенуа и Сен-Эташ в декабре 1837 г. Дж. Колборн обернул в свою пользу эту нерешительность противника. Используя подавляющее превосходство в численности и артиллерию, он окружил вначале одну деревню, потом другую,

и методично, буквально одним за одним расстрелял с дальней дистанции буквально всех, кто попадался на глаза. Некоторые «патриоты» пытались бежать, но были настигнуты и перебиты вооружёнными волонтерами из числа монреальских «конституционалистов». Затем все дома были сожжены. Даже тридцать лет спустя Дж. Белл, один из британских офицеров, участвовавших в событиях тех дней, с ужасом вспоминал заваленные трупами улицы и крики раненных, которых оставили гореть заживо в домах и церкви¹. Это была настоящая резня.

Особенную жестокость, по свидетельствам современников, проявляло именно монреальское ополчение. Они не только не брали пленных, но убивали даже тех людей, кто не держал в руках оружия или просто попадался под руку. Подполковник Чарльз Грей писал своему отцу, бывшему премьер-министру Великобритании: «Мне было невыносимо видеть несчастных женщин и детей, когда добровольцы утаскивали их мужей и др. и во многих случаях затем поджигали дома прямо у них над головами... Слава богу, я не имел отношения к этим поджогам и не думаю, что кто-то из регулярных войск имел... И это ещё не самое худшее — я знаю, что ополченцы хладнокровно застрелили двух мужчин и женщину в Напьервилле, и я уверен, что это было не впервые»². Однако примечательно, что, жалуясь на жестокость ополченцев, ни Ч. Грей, ни кто-либо ещё из офицеров или гражданской администрации не пытались как-либо ограничить их бесчинства или, тем более, наказать убийц безоружных людей. В условиях творившегося беззакония британский национализм англоканадцев превратился в экстремальный шовинизм. И если прежде «конституционалисты» могли только призывать к расправе или, как минимум, насильственной ассимиляции франкоязычных соседей, то теперь они приступили к реализации своих замыслов, причём самым непосредственным образом.

Когда известия о боях в Нижней Канаде достигли Торонто, они застали «реформаторов» врасплох. Биограф У. Л. Маккензи и его внук Ч. Линдси, а также знаменитый исследователь XIX в. Ч. Дент утверждали, ссылаясь на воспоминания участников событий, что вопрос о вооружённом неповиновении властям впервые стал подниматься на собраниях не раньше октября 1837 г., при-

чём в умозрительной, чисто гипотетической форме. Об организации восстания пока даже не шло и речи. У. Л. Маккензи, как и прежде, был настроен радикальнее всех и предлагал захватить один из заброшенных фортов неподалёку. Но даже он был готов на столь дерзкий шаг только ввиду отсутствия там охраны [Lindsey Ch., 1862, p. 52; Dent Ch., 1885, p. 378]. Губернатор Верхней Канады Ф. Хэд также не ожидал каких-либо неприятностей в своей провинции, а потому отправил подконтрольные ему войска в Нижнюю Канаду на помощь Дж. Колборну.

Возможно, именно отсутствие солдат на улицах Торонто вкупе с тревожными новостями, поступавшими из соседней провинции, подтолкнули «реформаторов» к спонтанному выступлению. Всё началось с публикации 15 ноября 1837 г. в газете У. Л. Маккензи «Конститьюшн» проекта конституции. Текст начинался словами «Мы, народ штата Верхняя Канада...», отсылая читателя к аналогичному документу соседних США³. И параллели были явно не случайны. Предлагавшийся проект со всей очевидностью готовил колонию к переходу под власть Вашингтона. И дело было не только во вступительной фразе и термине «штат» (State), который многократно употреблялся по отношению к Верхней Канаде. Вся структура органов власти, их полномочия, принципы комплектования посредством всеобщего избирательного права и даже система сдержек и противовесов, хотя и не очень подробно проработанная, повторяли конституцию США. Особо оговаривался запрет на любые «наследственные выплаты, привилегии или почести», делавший невозможным компромиссы с британской монархической конституцией⁴.

Следующие три недели Маккензи путешествовал по колонии, агитируя и организуя отряды добровольцев. Последний номер его «Конститьюшн» вышел 6 декабря 1837 г. и содержал лишь одну полосу с призывами к восстанию и независимости. «Канадцы! ... сбросьте злодеев, которые подавляют и поработают нашу страну ... если мы не восстанем и не освободимся от Хэда и его преступных приспешников, они соберут отребье и бандитов со всей страны, вооружат их и отдадут наши фермы, семьи, нашу страну в их распоряжение, — Маккензи явно сгущал краски, пытаясь напугать своих сторонников, — Чтобы этого не случилось, мы должны положить

¹ Bell G. Rough Notes by an Old Soldier: During Fifty Years' Service. London, 1867. P. 50, 56.

² Crisis in the Canadas 1838–1839: The Grey Journals and Letters / Ed. William Ormsby. Toronto, 1964. P. 160.

³ W. L. Mackenzie's Constitution // Read C. Rebellion of 1837 in Upper Canada. P. 96.

⁴ Ibid. 283.

им конец, или они полностью уничтожат эту страну»¹. Однако Маккензи не только запугивал, он также провозглашал принцип национального суверенитета и характерную для любого национализма идею равенства, в данном случае, вновь подчёркивая униженное, а потому ненормальное положение канадцев по отношению к британцам: «Запомните мои слова, канадцы! ... Мы не сможем договориться с Британией — мы склонили головы перед английским фараоном, министрами и знатными людьми, но они никогда не будут править нами справедливо, и никогда не отпустят нас; нам никогда не суждено познать спокойствие, пока мы не обретём независимость — это величайшая награда из возможных. Страна обширнее, чем Франция или Англия, природные ресурсы, соответствующие нашим самым смелым желаниям, власть равного для всех закона, свобода вероисповедания, вечный мир, образование для всех, миллиона акров земли, свобода от выплаты дани Британии ... я не смогу перечислить всех благ, проистекающих от независимости!»².

К этому времени на стороне Маккензи были Дж. Ролф, С. Флетчер, Дж. Ллойд, Т. Моррисон, Т. Браун, С. Лунт, Дж. Болтон, Н. Горэм, П. Мэтьюс — все, как утверждал канадский историк Ч. Дент, известные в Верхней Канаде люди, отличавшиеся активной гражданской позицией и обладавшие авторитетом среди жителей [Dent Ch., 1885, vol. 1, p. 382–384]. Они, в свою очередь, должны были набрать людей, чтобы захватить Торонто и, прежде всего, находившийся там армейский арсенал. К началу декабря к ним примкнуло несколько сотен единомышленников, и этого «реформаторам» показалось достаточно для выступления.

Освещая дальнейшие события, большинство канадских историков подчёркивают вопиющую неподготовленность и даже некоторую наивность восставших. Во-первых, их сборы происходили настолько открыто и шумно, что власти узнали о планах выступить на Торонто за несколько дней до того, как движение, собственно, началось [Kilbourn W., 2008, p. 201–202]. Во-вторых, уже будучи на марше, восставшие начали волноваться из-за нехватки вооружения — лишь две сотни из них имели при себе ружья. Ещё порядка восьмисот шли буквально с пустыми руками. Хотя, согласно замыслу Маккензи, в арсенале Торонто имелось достаточное количество

оружия и провизии, столицу колонии ещё только предстояло захватить. Однако восставшие побоялись входить в город невооружёнными и несколько дней в нерешительности простояли в предместьях [Sewell J., 2002, p. 157]. Проблему могли решить припасы, заранее спрятанные на северной окраине Торонто в таверне Монтгомери — одного из сторонников Маккензи. Однако тот сдал здание в долгосрочную аренду за несколько недель до описываемых событий, и восставшие ничего не нашли в его тайнике [Read C., 1985, p. xlii]. При том к ним в лагерь продолжали прибывать люди, коих нечем было кормить и вооружить. Наконец, когда Маккензи всё же удалось уговорить некоторых единомышленников войти в город, они бросились бежать после первой же перестрелки с полицейскими [Read C., 1985, p. xlix]. После этой неудачи его сторонники снова стали отказываться заходить в город, некоторые покидали лагерь и возвращались по домам.

Поскольку регулярные войска и почти вся артиллерия находились в соседней провинции, губернатор Ф. Хэд и его приближённые могли надеяться лишь на ополчение и боевые отряды оранжистов. Им потребовалось время, чтобы собрать и организовать в отряды жителей Торонто и округи. К счастью для них, бездействие восставших предоставило такую возможность. Собравшись с силами, власти перешли в контрнаступление. Около таверны Монтгомери лоялисты численностью чуть более тысячи человек столкнулись со сторонниками Маккензи, коих к тому времени насчитывалось уже лишь порядка четырёх сотен, из них только половина были вооружены [Dent Ch., 1885, vol. 2, p. 124]. После непродолжительной перестрелки восставшие бежали без официально зафиксированных потерь. Последнее обстоятельство, по всей видимости, можно объяснить неумением ополченцев прицельно стрелять, особенно с дальней дистанции на открытой местности.

После победы отряды губернатора разбрелись по прилегавшей местности и начали хватать буквально всех, кто попадался под руку. Поскольку доказать причастность того или иного человека к восстанию уже после окончания боёв было крайне затруднительно, губернатор Ф. Хэд ограничился строгими выговорами в адрес тех, кто казался особенно подозрительным [Dent Ch., 1885, vol. 2, p. 132n]. Лишь в единичных случаях наказанием становилось тюремное заключение. Однако ополченцы, равно как и их командиры полковник А. Макнаб не собирались на этом

¹ W. L. Mackenzie's Appeal To Arms // Read C. Rebellion of 1837 in Upper Canada. P. 110–111.

² Ibid. P. 112.

останавливаться. Они разграбили и подожгли таверну Монгомери, а также дома, принадлежавшие, по их мнению, мятежникам. Особенно сильно, как свидетельствует канадский историк, К. Рид, досталось фермам и стадам — лоялисты, многие из которых были горожанами, закалывали и тут же съедали или утаскивали с собой столько животных, сколько могли унести [Read С., 1985, р. lv]. В этой суматохе Маккензи и другие лидеры «реформаторов» смогли легко скрыться. И поскольку в Канаде у них не оставалось ни имущества, ни каких-либо благоприятных перспектив, им оставалось только бежать в США.

Слухи о восстании в Торонто спровоцировали беспорядки по всей колонии. В западной части Верхней Канады один из депутатов ассамблеи и известный «реформатор» Чарльз Данкомб собрал приблизительно пятьсот человек, чтобы направиться на помощь Маккензи. Однако на той же неделе ему стало известно о разгроме у таверны Монгомери. Решив, что дальнейшее сопротивление не имеет смысла, Данкомб и его ближайшие соратники поспешили также уехать в Мичиган, США, посоветовав остальным возвращаться по домам и отрицать сам факт участия в восстании, а если не получится, то перекладывать всю ответственность на лидеров, в том числе, на самого Данкомба [Read С., 1982, р. 179].

По другую сторону границы Маккензи и его соратников ждало ещё одно разочарование. Поскольку информация о восстании в Канаде уже достигла американской публики, в газетах стали появляться первые реакции и оценки. И если летом 1837 г. многие американские журналисты и публицисты с пониманием и симпатией относились к политическим идеям и целям «патриотов» и «реформаторов», то теперь, когда канадцам понадобилась помощь американских единомышленников, картина стала не столь однозначной. Некоторые их соседи по-прежнему считали своим долгом воспользоваться кризисом в британских колониях и захватить Канаду, завершив, тем самым, давнее начинание по освобождению Нового света от британского империализма и монархизма, а также распространению принципов свободы и равенства на весь североамериканский континент [Harvey L.-G., 2019, р. 215–216]. Однако другие доказывали, что Соединённым Штатам не следует вмешиваться в эту «семейную ссору» между королевой и её подданными, а канадцам надлежит «самим сражаться в их войне» [Corey A. B., 1941, р. 27–28]. Значительная часть американцев, в целом, разделяли точку зрения

известного нью-йоркского предпринимателя, филантропа и публициста А. Тэппэна, утверждавшего, что канадцам попросту не на что жаловаться, поскольку они и так имеют столько же свободы и равенства, сколько и сами американцы: «Давайте покажем канадцам всем нашим поведением, что им необходимо оставаться верными подданными и не ждать от нас поддержки в их восстании. Так будет лучше для них, лучше для британского правительства и лучше для нас самих»¹.

Как выяснилось, очень важные изменения произошли в умонастроениях американских политиков за считанные десятилетия. В отличие от начала XIX в., американцы конца 1830-х гг. уже не видели в Великобритании экзистенциального врага, а наоборот, воспринимали бывшую метрополию как «родственную» нацию и важнейшего партнёра со схожим социальным устройством и вытекающими из него особенностями политического развития. Кроме того, ведущие американские политики, всё больше склонялись к изоляционизму и не находили для их страны никакого смысла разжигать с Великобританией войну [Lower A. R. M., 1939, р. 360–364; Wiltse Ch. M., 1973, р. 58–77]. Соответствующую позицию в канадском вопросе занял и официальный Вашингтон. Спустя две недели после первых сражений в Нижней Канаде и почти одновременно с началом восстания в Верхней Канаде, президент США М. Ван Бюрен заявил в ежегодном послании к Конгрессу об отсутствии каких-либо «новых проблем в международных отношениях» и о «чрезвычайно дружественном характере взаимоотношений между Великобританией и Соединёнными Штатами»². Из выступления президента со всей очевидностью следовало, что правительство США не собиралось их портить и вмешиваться в канадские события.

Однако так совпало, что поток беженцев, спасавших от преследования властей, а также верных им «конституционалистов» и оранжистов, хлынул из Канады в Соединённые Штаты буквально сразу же после этих слов американского президента. Некоторые из них, в том числе, У. Л. Маккензи обосновались на острове Нэви на реке Ниагара на самой границе США, планируя собраться с силами и предпринять ещё одну

¹ The Madisonian, December 12, 1837.

² Van Buren's First Annual Message. December 4, 1837 // The Addresses and Messages of the Presidents of the United States, Inaugural, Annual, and Special, from 1789 to 1846 / Ed. by E. Walker. Vol. 2. New-York, 1846. P. 1072.

попытку захватить власть. Оттуда Маккензи снова обратился с прокламацией к соотечественникам: «Жители Канады! Почти пятьдесят лет наша страна томилась под вредоносным влиянием военных деспотов, чужаков из Европы, правивших нами не в соответствии с принятыми нами законами, но деспотически диктовавших их капризную волю. Они облагали нас налогами, как только хотели, грабили нашу казну и увозили средства из неё в другие земли... Они правили нами, как правят Ирландией, на благо людей из других стран и ослабляя нас как народ» [Lindsey Ch., 1862, p. 363]. Как видно, лидер «реформаторов» вновь противопоставлял канадцев и «чужаков из Европы», призывая к независимости, отмене наследных титулов и привилегий, всеобщему избирательному праву и выборности всех органов власти [Lindsey Ch., 1862, p. 364]. И в том же документе Маккензи заявил о готовности «генерала Ван Ренсселера из Олбани, полковника Сазерленда, полковника Ван Эгмонта и других опытных военных, а также других граждан Баффало» снабжать восставших продовольствием, деньгами, оружием, артиллерией и помогать в качестве добровольцев [Lindsey Ch., 1862, p. 365].

Действительно, американцы в прилегавших к Канаде штатах не могли оставаться безучастными к делу «реформаторов». Призывая к освобождению колонии от «британской тирании», Маккензи говорил на родном и понятном для них языке американской революции XVIII в. И это, не считая давних планов по завоеванию и присоединению к США северной части континента, бытовавших в Массачусетсе, Нью-Йорке и других северо-восточных штатах [Bonthius A., 2003, p. 13–14]. Как результат, лагерь на острове Нэви пополнялся людьми, туда прибывало оружие и даже артиллерия. Но всё внезапно изменилось 29 декабря 1837 г., когда ополченцы из Верхней Канады под командованием А. Макнаба сожгли пароход «Каролина», доставлявший повстанцам необходимые припасы, и убили при этом одного из американцев [Carroll F. M., 2001, 204].

Инцидент с «Каролиной» придавал всему происходившему совершенно иное, международное значение. Отныне, поскольку один из граждан США был застрелен британскими войсками, Вашингтон больше не мог делать вид, будто не замечает «проблем» на границе с Канадой. Президент М. Ван Бюрен стоял перед выбором, использовать ли ситуацию для начала новой войны с Великобританией или, наоборот, отказаться от эскалации конфликта. И он выбрал второй ва-

риант. В тот же день, когда в Вашингтоне стало известно об уничтожении «Каролины», Ван Бюрен отправил на границу армию под командованием У. Скотта с приказом во что бы то ни стало не допустить новых столкновений между жителями США и британцами и, особенно, вторжения ополчения из пограничных американских штатов, где добровольцы уже начали формировать отряды, на территорию Канады [Carroll F. M., 2001, 204–206]. Одновременно была составлена и опубликована от имени президента прокламация от нейтралитета США в канадских событиях от 5 января 1838 г. В этом коротком документе гражданам США запрещалось каким-либо образом помогать «мятежникам» (*insurgents*) и предписывалось «вернуться к мирной жизни»¹. Спустя несколько дней, провозглашённый президентом Ван Бюреном нейтралитет был поддержан подавляющим большинством конгрессменов.

Отныне канадцы не могли рассчитывать на официальную помощь из США. Более того, после уничтожения «Каролины» повстанцы больше не могли находиться на острове Нэви. Спасаясь от преследования верных британским властям ополченцев и армии США, они перебрались в небольшие городки вдоль границы Вермонта и Мичигана и укрылись среди местных жителей. Именно там «патриоты» и «реформаторы» впервые наладили прочные контакты и начали вести оживлённую переписку. Явно под влиянием У. Л. Маккензи 28 февраля 1838 г. Р. Нельсон опубликовал «Декларацию независимости» республики Нижняя Канада. «Мы, от имени народа Нижней Канады, — говорилось в документе, — Низвергаем правительство, которое пренебрегло своей главной целью и задачей, ради которой было создано... С этого дня народ Нижней Канады освобождён от подданничества Великобритании и потому разрывает политическую связь с этой державой» [Christie R., 1848, vol. 5, p. 43].

Примечательно, что к числу уже традиционных упрёков метрополии в расходовании налогов колонистов без их представительства, т. е. согласия ассамблеи, игнорировании петиций и обращений и невыполнении положений Конституционного акта 1791 г. добавилось обвинение в «размещении в стране армии наёмников (*«mercenary army»*)», чьё

¹ Van Buren. M. Proclamation 45A — Neutrality With Respect to Canadian Affairs // The American Presidency Project [Электронный ресурс] — Режим доступа <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-45a-neutrality-with-respect-canadian-affairs> Дата обращения: 16.08.2024.

присутствие вызывало тревогу и ужас, чей путь обогрелся кровью нашего народа, кто сжёг наши деревни дотла, осквернили наши храмы, распространили террор и запустение по всей земле» [Christie R., 1848, vol. 5, p. 42]. Под таковой армией явно подразумевались отряды «конституционалистов», с особой жестокостью преследовавшие «патриотов». Однако ни они, ни сопровождавшие их британские регулярные полки не могли быть названы наёмниками в общепринятом тогда смысле слова. По всей видимости, этой метафорой Р. Нельсон хотел исключить и тех, и других из «народа Нижней Канады», подчеркнуть их чуждость, подобно тому, как любые наёмники, когда это слово употребляется в прямом значении, неизбежно чужеродны по отношению к населению той страны, где воюют.

К «Декларации независимости» прилагалась прокламация «К народу Канады», представлявшая собой манифест о национальном самоопределении. Весь её текст был наполнен символами, противопоставлявшими канадцев и метрополию. Он начинался с эмоционально заряженной метафоры: «Рука заатлантической державы подавляла нас, долгие годы несправедливо и жестоко бичевала розгами жестоких злоупотреблений — так долго, что степень тирании переполнила чашу терпения. Мы беспрестанно, но тщетно, пытались обуздать плохое правительство, отменить плохие законы, действовать так, чтобы вытащить наши институты из трясины устаревшего вассалитета и поднять их на уровень, который свойственен правительствам девятнадцатого века. И теперь сила тирании заставила нас против нашей воли обратиться к оружию, дабы заполучить и сохранить права, которых мы достойны как свободные люди» [Christie R., 1848, vol. 5, p. 45–46]. Как видно, Р. Нельсон мастерски выстраивал свойственную для любого национализма оппозицию «мы — они». Но не менее примечательна и его апелляция к достоинству канадцев. Именно чувство «гуманизма, справедливости и чести», утверждал автор «Прокламации», заставило их выступить против метрополии.

Однако, несмотря на столь интенсивную идеологическую подготовку, обосновавшиеся в северном Вермонте Р. Нельсон и его соратники «патриоты» ощущали непрочность своего положения. Время работало против них — чем дольше они оставались в США, тем лучше их противники контролировали ситуацию по другую сторону границы — «лязг оружия заглушал голос патриотов», как образно выразился современный фран-

коканадский историк И. Лямонд [Lamonde Y., 2000, p. 247]. Новым решением стала организация секретного общества «Братства охотников» или, так называемых, «охотничьих лож» по образцу «сынов свободы» и других подобных популярных в то время в США сообществ и братств [Modern J.L., 2011, p. 53]. Общий замысел заключался в том, чтобы создать сплочённую революционную организацию, добыть оружие, распространить пропаганду, завербовать сторонников в Канаде, иными словами, тщательно подготовить новое восстание [Lindsey Ch., 1862, p. 192–193].

Идея казалась весьма многообещающей. Сочувствовавшие канадским «патриотам» американские граждане делали щедрые жертвования, единомышленники по обе стороны границы быстро привлекали новых членов, ходили даже слухи о готовности российского консула в Бостоне поддержать восставших деньгами или даже направить для их обучения офицеров царской армии [Stavrianos L. S., 1937, p. 367–368]. Современники поражались стремительному росту численности «охотничьих лож». «Я сомневаюсь, что есть хотя бы один город, посёлок или порт в районе Великих озёр, в котором не было бы этих обществ. Некоторые из них, а, может быть, и все, активно собирают оружие, деньги и амуницию», — докладывал в деловой переписке У. Макуортер, офицер таможенной службы из пограничного городка Освего, штат Нью-Йорк министру финансов Л. П. Вудбери и добавлял, что по его оценкам численность обществ достигает сорока тысяч человек или даже больше [Kinchen O. A., 1956, p. 37]. Также о сорока тысячах участников писал в Лондон британский посол в Вашингтоне Г. С. Фокс, с тревогой отмечая, что их численность растёт «не по дням, а по часам», а отделения разбросаны от Мэна до Вермона до Мичигана, Огайо и, возможно, даже Кентуки. Ещё один британский офицер утверждал об армии из двадцати пяти тысяч человек, готовых в любой момент перейти границу [Kinchen O. A., 1956, p. 41]. В Канаде «Братство охотников» насчитывало порядка 5–7 тыс. членов, если верить более поздним свидетельствам их участников, и имело отделения по всей Верхней и Нижней Канаде [Clark S. D., 1959, p. 316].

Однако эти цифры сами по себе мало говорят о степени влиятельности этого секретного общества среди канадцев. На протяжении 1838 г. «братья-охотники» предприняли несколько попыток вторгнуться в британские колонии с территории США, но каждый раз их встречали и за-

ставляли отступить превосходящие силы ополченцев. В феврале 1838 г. порядка 400 человек под командованием «реформатора» из Верхней Канады Д. Маклеода высадились на острове Файтинг неподалёку от Детройта, но вскоре были атакованы и разбиты канадскими волонтерами. Затем в марте история повторилась на острове Пили на озере Эри. В мае несколько сотен патриотов пробрались на британскую территорию и сожгли пароход «Роберт Пиль», как они сами утверждали позднее, в качестве мести за «Каролину». Однако очень быстро им пришлось вернуться в США под угрозой превосходящих британских сил. Вторжения продолжались всё лето и осень 1838 г. и, наконец, в ноябре и декабре произошли две решающих битвы. В первой из них четыре сотни «охотников» под командованием американца Н. Фон Шульца попытались захватить городок Прескотт рядом с Кингстоном на северном берегу реки Св. Лаврентия, но были разбиты в так называемом сражении у ветряной мельницы. Месяц спустя около полутысячи «патриотов» вторглись в графство Лондон, намереваясь захватить одноимённый город, но отступили обратно на территорию США, столкнувшись с канадской милицией около городка Виндзор [Graves D. E., 2001, p. 61]. На этом боевые действия на англо-американской границе закончились.

В истории этих многочисленных, но при этом безрезультатных походов и сражений, очень подробно изученных в канадской и американской историографии, привлекают внимание два обстоятельства. Первое — это малочисленность отрядов «охотников», особенно в сравнении с общим количеством членов «братства». Ни в одном из упомянутых выше походов не набралось больше нескольких сотен участников. Можно сказать, что масштаб их выступлений сопоставим с событиями канадских восстаний ноября-декабря 1837 г. Судя по всему, наиболее активная часть общества «охотников» состояла из беглых канадских повстанцев, к которым примкнуло небольшое число американцев. Остальные же их сторонники из числа граждан США, даже если и симпатизировали «делу патриотов», то были готовы вносить свою лепту только посредством пожертвований, участия в митингах, распространения газет, листовок и брошюр. Вооружённый поход в Канаду явно не входил в их планы. Очевидно, и многие американцы говорили об этом прямо, канадцы воспринимались ими в качестве близкой, но при том отдельной, вполне самостоятельной нации, которая должна сама

решать свою судьбу. Американцам явно льстило, что соседи собираются пойти по их стопам и завоевать независимость, но большая их часть считала целью канадского восстания именно создание собственного национального государства, а не присоединение к США [Kinchen O. A., 1956, p. 18]. И это коренным образом отличало ситуацию 1838 г. от 1812 или 1776 гг., когда американцы ещё не видели большой разницы между своей страной и британскими колониями к северу от Новой Англии и воспринимали канадцев как своих «братьев», лишь по какому-то недоразумению до сих пор не вошедших в состав США.

Показательной в этом отношении была позиция аболиционистов Массачусетса. Значительная их часть поддерживала борьбу канадцев «за свободу», но выступала против присоединения Канады к США как раз потому, что у их страны имелись «собственные задачи» на повестке дня [Shields D. S., 2016, p. 297]. Под таковыми подразумевалась, разумеется, борьба за отмену рабства, которая как раз вступала в решающую фазу. Рассуждая на эту тему, аболиционисты из Бостона беспокоились, как бы боевые действия на границе не помешали переправке на север беглых рабов. И по той же причине они не желали вхождения Канады в состав США, поскольку ей тогда пришлось бы вернуть спрятавшихся на её территории чёрных американцев прежним владельцам [Shields D. S., 2016, p. 294–299]. Перемена в умонастроениях бостонцев может показаться удивительной, ведь именно они на протяжении нескольких столетий вели непрерывные войны с Новой Францией, а затем — в конце XVIII — начале XIX вв. — выступали главными инициаторами и горячими сторонниками завоевания британских колоний в Северной Америке. Теперь же Канада вполне устраивала их как отдельная нация по соседству. Однако изменения легко понять, если учитывать, что канадцы больше не считались американцами, прежде всего, сами же жителями США.

Другая интересная особенность вооружённых экспедиций «братства охотников» заключалась в явном отсутствии встречной инициативы со стороны канадских колонистов. Каждое из их вторжений с февраля по декабрь 1838 г. — а таких было не менее десятка — проходило по одной и той же схеме: группа легковооружённых «охотников» из нескольких сотен человек переходила границу, уничтожала собственность, считавшуюся ими британской, пытались взять под контроль ближайшие поселения и затем двигались дальше

вглубь канадской территории, пока не натыкались на высланный им навстречу отряд ополченцев и/или британских солдат. А те, в свою очередь, обладая преимуществом в численности и оружии, легко обращали «охотников» в бегство, заставляя вернуться на территорию США.

Этот сценарий повторялся из раза в раз при явном безразличии со стороны местного населения. Даже британские офицеры, в том числе, полковник Ч. Грей удивлялись тишине и спокойствию, царившим в Сен-Шарле, Монреале и других районах Канаде, где ещё недавно прошли массовые протесты и беспорядки¹. Пытаясь объяснить такую реакцию канадцев, точнее, её отсутствие, на вторжения «братства», советский исследователь В. А. Тишков подчёркивал, что «охотникам» приходилось «вести борьбу на два фронта — против англичан и против американской армии», которая крайне осложнила их деятельность, перекрыв границу и лишив их, тем самым, снабжения и свободы манёвра [Тишков, 1978, с. 307–308]. Однако такое объяснение кажется явно недостаточным, если помнить упомянутые выше сообщения о тысячах членов «братства» в Канаде. Поддержка даже части из них могла серьёзно изменить расклад сил во время любого из вторжений «охотников» и повлиять на общий исход развёрнутой ими деятельности. Но этого почему-то не произошло.

В то же время, понимая важность момента, лидеры «патриотов» старались наращивать интенсивность агитации. Хотя с конца 1837 г. все «революционные» канадские издания были закрыты или уничтожены, и в том числе, «Ля Минёрв», «Виндикейтор», «Констительюшн» и «Либерал», их издатели, редакторы и авторы перебрались в соседние американские штаты и возобновили деятельность, практически ежедневно отправляя через границу свежие выпуски газет и памфлетов. Порядка двадцати новых изданий, посвящённых канадской проблематике и занимавшихся, преимущественно, агитацией в поддержку «патриотов» и канадской «революции» возникло в течение декабря 1837 г. и в 1838 г. в северо-восточных штатах США. Среди них «Баджет» (Budget), «Мёркьюри» (Mercury) и «Спирит оф '76» (Spirit of '76), выходившие ежедневно, а также франкоязычные «Эстафэтт» (Estafette) и «Патриот Канадъен» (Patriote Canadien). Кажется парадоксальным, но с каждым новым поражением патриоты не отчаивались, а даже увеличивали

публикационную активность. Её пик пришёлся на конец 1838 — начало 1839 гг., когда их «революционные» планы не имели уже никаких планов на успех.

При этом риторика «патриотов» становилась всё жестче и радикальнее. В своей новой газете Маккензи рассказывал про ужасные условия жизни бедняков в английских работных домах и на текстильных фабриках, обличал «кровавый» британский режим в Индии и практику порки солдат розгами в армии, добавляя, что подобным же образом, как и в Индии, Британия «растоптала каждую крупницу свободы», которая только была в Канаде². «Ужасным лицемерием» он называл поведение тех британцев, кто критиковал рабство в США, но не обращал внимания «на гораздо более тяжкое положение, в котором находились англичане, ирландцы, шотландцы, канадцы, бенгальцы»³.

В публикациях «патриотов» британская монархия часто сравнивалась то с «османами», то с Россией по степени проявляемой жестокости, деспотизма и произвола. Это были явные отсылки к недавним революциям в Греции и Польше, хорошо известным американцам. «Канада имеет столько же свободы, сколько российский император Николай I позволил иметь Польше», — писал «реформатор» из Верхней Канады М. С. Бидвелл⁴. «Народ Канады испытывает глубокое отвращение к их угнетателям и полон решимости сбросить кандалы и цепи, в которые закованы их подлыми хозяевами и низведены до нижайшего положения российских холопов» — вторила ему «Пэтриотс Фрэнд»⁵. «Моя дорогая родная земля стала новой Польшей, или новой Ирландией», — жаловался анонимный мигрант явно из числа канадских реформаторов на страницах «Кэнэйдиэн Пэтриот»⁶. Однако, как показали события 1838 г., все эти красочные метафоры не находили отклика у, собственно, канадцев.

С точки зрения теории «воображаемых сообществ» Б. Андерсона, публикационная активность и энтузиазм канадских «патриотов», а также их американских единомышленников были ничем иным, как проявлением того самого «печатного капитализма», который должен был дать толчок развитию канадского национализма. Однако на деле всё складывалось совершенно ина-

¹ Crisis in the Canadas 1838–1839... P. 147.

² Mackenzie's Gazette. April 27, 1839.

³ Mackenzie's Gazette. May 11, 1839.

⁴ Patriot. May 16, 1838.

⁵ Patriot's Friend, January 12, 1839.

⁶ Canadian Patriot, February 2, 1838.

че — экспедиции «братства охотников» оборачивались лишь постоянными поражениями, а британские власти и их союзники из числа «конституционалистов» уверенно контролировали ситуацию в колонии. Приходится признать поэтому, что подход с точки зрения «печатного капитализма» не даёт объяснения неудачам «патриотов».

Гораздо более перспективным для объяснения этого противоречия представляется анализ символического наполнения публикаций, поддерживавших, как тогда было принято говорить, «дело патриотов». В этих источниках привлекают внимание, как минимум, три тенденции. Во-первых, буквально с первых же дней пребывания в соседней республике канадские журналисты и публицисты начали активно включаться в специфически американские общественно-политические дискуссии и даже партийную борьбу. Например, на первой полосе январских выпусков «Кэнейдиэн» 1838 г. крупными буквами с гордостью сообщалось, что у газеты «редактор — из беженцев, издатель — демократ, а печатает — виг, а читает её весь мир»¹. Маккензи открыто симпатизировал демократам и время от времени публиковал статьи в их поддержку, критикуя, словно давний демократ, американские монополии, крупные банки и призывая к имущественному равенству и поддержке бедных слоёв населения². Ч. Данкомб и некоторые другие беженцы из Канады также с восхищением отзывались о проводившихся тогда в США экспериментах в духе утопического социализма [Schrauwers A., 2017, p. 53–80]. Причём вопросы из повестки дня Соединённых штатов обсуждались на страницах тех же самых изданий, которые предназначались для агитации канадцев.

Можно предположить, что все эти сюжеты из общественно-политической жизни соседней страны не только мало интересовали канадцев, но, возможно, даже создавали у них определённое чувство непонимания и отчуждения от внезапно американизированных публицистов и издателей. Тем более, успехи США в развитии всеобщего равноправия и демократизации, о которых часто говорилось в революционной прессе, обычно преподносились как положительный пример для «несвободной» Канады. И это могло задевать чувство собственного достоинства тех канадцев, кто привык считать себя частью наиболее прогрессивной и свободной британской нации. Так, например, канадские «конституционалисты»

¹ The Canadian, January 1, 1838.

² Mackenzie's Gazette, August 18, 25, 1838.

писали в ответных публикациях о рабстве, ирландских погромах, притеснениях коренного населения, беззаконии, пиратстве и мародёрстве на окраинах США, подчёркивая тем самым, что американцы не имеют никакого морального права учить их демократии и равенству³.

Вторая тенденция заключалась в стремительном росте числа американских граждан, которые вовлекались в деятельность «патриотов». Почти в каждой газете, агитировавшей за свержение британской власти в Канаде, издателем, редактором или владельцем числился гражданин США, не говоря уже о множестве американских журналистов, комментаторов и корреспондентов [Gates L. F., 1996, p. 56–58]. Да и в «охотничьих ложах» подавляющее большинство членов тоже были американцами. Наконец, многие из тех, кто бежал с территории Канады, подавали заявление на получение американского гражданства и постепенно натурализовались [Read C., 1992, p. 4]. Как результат, канадское революционное движение выглядело всё менее канадским в самом прямом смысле этого слова. Чувствуя это противоречие, У. Л. Маккензи даже попутался создать так называемую Канадскую ассоциацию — политическую организацию, в которую могли вступать только британские подданные в изгнании. Однако ему удалось привлечь туда лишь около шести-десяти человек, что никак не меняло ситуацию.

И, наконец, ещё одна тенденция, связанная с предыдущей, заключалась в привнесении американцами в движение «патриотов» их специфической национальной символики, которая была, без преувеличения, оскорбительна для канадцев. Речь идёт об агрессивном республиканизме. Он часто выражался в насмешках над британской монархией и конкретно королевой Викторией из-за её возраста и, особенно, женского пола [Greer A., 1991, p. 507–528; Randall M., 2013, p. 76]. В публикациях «патриотов» её характеризовали как некомпетентную, бездарную, глупую, мелочную, склочную, привлекая все негативные стереотипы о женщинах, расхожие в ту эпоху [Morgan C., 1999, p. 26]. Соответственно, канадские и британские власти то и дело назывались «бабским правительством»⁴. Это оскорбление всячески обыгрывалось, чтобы подчеркнуть абсурдность и неестественность ситуации, когда мужчины подчиняются женщине. «Сэр Джон Колборн окружён кучей старух, и вместе с ними он сидит

³ Patriot, June 8, 1838; Bald Eagle, December 28, 1838.

⁴ Canadian Patriot, February 2, 1838.

в юбках и панталонах», — издевалась над канадским губернатором одна из газет¹. «Джон Булл прогнулся под бабским башмаком», — провозглашалось в последней строке расхожего сатирического стихотворения о Великобритании, перепечатанном У. Л. Маккензи в его газете². Очевидно, что насмешки подобного рода никак не могли повысить популярность «патриотов» среди канадцев, ведь они тоже, получалось, были «под башмаком» «бабского правительства». В то же время, эти нападки многое говорили о сущности развернувшегося конфликта.

Итак, как свидетельствуют источники, до самого последнего момента восстание не входило в планы канадских националистов. Это кажется вполне очевидным, учитывая, насколько сумбурны, противоречивы и непоследовательны были их действия, когда началось насилие. Многие важнейшие вопросы: независимость или конституционные реформы в Канаде, выбор между мирной или вооружённой формой борьбы, отношение к США, их историческому опыту и перспективам вхождения в их состав — всё это решалось буквально на ходу. Создаваемому проекту канадской нации ещё явно требовалось время, чтобы офор-

миться, а затем — завоевать умы и сердца людей. Однако адепты британского национализма не собирались терпеть подобного рода эксперименты в своей стране. Их агрессивные действия при явном попустительстве властей спровоцировали ответную реакцию и вооружённый конфликт, в котором неподготовленные «патриоты» были обречены на поражение.

Вовлечение союзников из США в происходившие события не столько помогало канадским националистам, сколько делало ситуацию ещё более противоречивой. Американцев привлекала риторика, цели и идеалы канадских «патриотов», чрезвычайно созвучные символическим и смыслам американского национализма. Возможность принять участие и завершить, наконец, исторический процесс «освобождения» континента казалось им чрезвычайно достойным делом и потому вызвала массу энтузиазма. Однако для тех канадцев, кто остался к северу от границы, участие американцев дискредитировало «дело патриотов». Ведь то был процесс становления канадского национализма, в т. ч. и оформления идеи суверенной канадской нации. В соответствии с самой сутью понятия национального суверенитета, он должен был обретаться самими канадцами без посторонней помощи, иначе создаваемая нация не была в полном смысле «их» нацией.

¹ Patriot's Friend, January 12, 1839.

² Mackenzie's Gazette, June 8, 1839.

Список литературы

1. Тишков В. А. Освободительное движение в колониальной Канаде. М., 1978.
2. Bernard J. P. The Rebellions of 1837 and 1838. Ottawa, 2001.
3. Bonthius A. The Patriot War of 1837–38: Locofocoism with a Gun? // Labour/Le Travail. 2003. № 52.
4. Carroll F. M. A Good and Wise Measure: The Search for the Canadian-American Boundary, 1783–1842. Toronto, 2001.
5. Christie R. A history of the late province of Lower Canada; parliamentary and political, from the commencement to the close of its existence as a separate province. Vol. 4, 5. Quebec, 1848.
6. Clark S. D. Movements of Political Protest in Canada 1640–1840. Toronto, 1959.
7. Corey A. B. The Crisis of 1830–1842 In Canadian-American Relations. New Haven, 1941.
8. Crisis in the Canadas 1838–1839: The Grey Journals and Letters / Ed. William Ormsby. Toronto, 1964.
9. Dent Ch. The Story of the Upper Canadian Rebellion. Vol. 1, 2. Toronto, 1885.
10. Ducharme M. Closing the Last Chapter of the Atlantic Revolution: The 1837–38 Rebellions in Upper and Lower Canada // Proceedings of the American Antiquarian Society. 2006. № 116 (2). P. 413–430.
11. Ducharme M. Le concept de liberté au Canada à l'époque des Révolutions atlantiques. Montréal, 2010.
12. Filteau G. Histoire des Patriotes. Québec, 2003.
13. Gates L. F. After the Rebellion: The Later Years of William Lyon Mackenzie. Toronto, 1996.
14. Graves D. E. Guns across the River: The Battle of the Windmill. Prescott, 2001.
15. Greenwood F. M., Wright B. Rebellion, Invasion, and the Crisis of the Colonial State in the Canadas, 1837–9 // Canadian State Trials / Ed. by F. M. Greenwood, B. Wright. Vol. II. Toronto, 2002.
16. Greer A. 1837–38: Rebellion Reconsidered // The Canadian Historical Review. 1995. Vol. 76, № 1. P. 1–18.
17. Greer A. La république des homes, les Patriotes de 1837 face aux femmes // Revue d'histoire de l'Amérique française. 1991. Vol. 44, № 4.

18. Greer A. *The Patriots and the People: The Rebellion of 1837 in Rural Lower Canada*. Toronto, 1993.
19. Harvey L.-G. John O'Sullivan's 'Canadian Moment: The Democratic Review and the Canadian Rebellions // *Revolutions across Borders: Jacksonian America and the Canadian Rebellion* / Ed. by M. Dagenais and J. Mauduit. Kingston, 2019. P. 215–216.
20. Heaman E. A. *Rights Talk and the Liberal Order Framework // Liberalism and Hegemony: Debating the Canadian Liberal Revolution* / eds. J.-F. Constant, M. Ducharme. Toronto, 2009. P. 147–175.
21. Jones B. T. *Republicanism and Responsible Government: The Shaping of Democracy in Australia and Canada*. Montreal, 2014.
22. Kilbourn W. *William Lyon Mackenzie and the Rebellion in Upper Canada*. Toronto, 2008.
23. Kinchen O. A. *The Rise and Fall of the Patriot Hunters*. New York, 1956.
24. Lamonde Y. *Histoire sociale des idées au Québec Volume 1: 1760–1896*. Montréal, 2000. P. 247.
25. Lindsey Ch. *The Life and Times of Wm. Lyon Mackenzie: with an Account of the Canadian Rebellion of 1837, and the Subsequent Frontier Disturbances, Chiefly from Unpublished Documents*. Vol. 2. Toronto, 1862.
26. Little J. *Loyalties in Conflict: A Canadian Borderland in War and Rebellion, 1812–1840*. Toronto, 2008.
27. Lower A. R.M. *An Unpublished Letter of Daniel Webster // The New England Quarterly*. Vol. 12. No. 2. 1939.
28. Modern J. L. *Secularism in Antebellum America*. Chicago, 2011.
29. Morgan C. 'When Bad Men Conspire, Good Men Must Unite!': Gender and Political Discourses in Upper Canada, 1820s-1830s // *Gendered Pasts: Historical Essays in Femininity and Masculinity in Canada* / Ed. by K. McPherson, C. Morgan, N. M. Forestell. Toronto, 1999.
30. Randall M. *Les femmes dans l'espace rebelle: Histoire et fiction autour des rébellions de 1837 et 1838*. Montreal, 2013.
31. Read C. *Rebellion of 1837 in Upper Canada*. Montreal, 1985.
32. Read C. *The Rising in Western Upper Canada 1837–8: The Duncombe Revolt and After*. Toronto, 1982.
33. Read C. Edward Alexander Theller the 'Supreme Vagabond': 'Honest, Courageous, and True'? // *Ontario History*. 1992. № 84.
34. Schrauwers A. *Tilting at Windmills: The Utopian Socialist Roots of the Patriot War, 1838–1839 // Labour*. 2017. Vol. 79. № 79.
35. Senior E. K. *Redcoats and Patriots: The Rebellions in Lower Canada 1837–38*. Ottawa, 1985.
36. Sewell J. *Mackenzie: a political biography of William Lyon Mackenzie*. Toronto, 2002.
37. Shields D. S. *The Power to Be Reborn // The American Revolution Reborn* / Ed. by P. Spero and M. Zimmerman. Philadelphia, 2016.
38. Stavrianos L. S. *The Rumour of Russian Intrigue in the Rebellion of 1837 // The Canadian Historical Review*. Volume 18. № 4. December 1937.
39. Verney J. *O'Callaghan: The Making and Unmaking of a Rebel*. Montreal, 1994.
40. Wiltse Ch. M. *Daniel Webster and the British Experience // Proceedings of the Massachusetts Historical Society*. Vol. 85. 1973.
41. Wilton C. *Popular Politics and Political Culture in Upper Canada, 1800–1850*. Montreal, 2000.

References

1. Tishkov V. *Osvoboditel'noe Dvijenie v Kolonial'noy Kanade = The liberation movement in colonial Canada*. Nauka, 1978. (in Russ.).
2. Bernard JP, Canadian Historical Association. *The rebellions of 1837 and 1838 in Lower Canada*. Ottawa: Canadian Historical Association; 2001.
3. Bonthius A. *The Patriot War of 1837–38: Locofocoism with a Gun? Labour/Le Travail*. 2003;(52):9-43.
4. Carroll FM. *A Good and Wise Measure: The Search for the Canadian-American Boundary, 1783–1842*. University of Toronto Press; 2001.
5. Christie R. *A History of the Late Province of Lower Canada, Parliamentary and Political, from the Commencement to the Close of Its Existence as a Separate Province, Etc. 1848*.
6. Clark SD. *Movements of Political Protest in Canada 1640–1840*. University of Toronto Press; 1959.
7. Corey AB. *The Crisis of 1830–1842 in Canadian-American Relations*. Russell & Russell; 1970.
8. *Crisis in the Canadas, 1838–1839. The Grey Journals and Letters*. Edited by William Ormsby. 1964.

9. Dent C. The Story of the Upper Canadian Rebellion. C. B. Robinson; 1884.
10. Ducharme M. Closing the Last Chapter of the Atlantic Revolution: The 1837–38 Rebellions in Upper and Lower Canada. *Proceedings of the American Antiquarian Society*. 2006;(116(2)):413-430.
11. Ducharme M. Le Concept de liberté au Canada à l'époque des Révolutions atlantiques (1776–1838). McGill-Queen's Press — MQUP; 2009.
12. Filteau G. Histoire des Patriotes. Septentrion; 2003.
13. Gates LF. After the Rebellion: The Later Years of William Lyon Mackenzie. Toronto; 1996.
14. Graves DE, Robinson AJ. Guns Across the River. Prescott, Ont.: Friends of Windmill Point; Toronto: Produced and distributed by Robin Brass Studio; 2001.
15. Greenwood FM., Wright B. Rebellion, Invasion, and the Crisis of the Colonial State in the Canadas, 1837–9. *Canadian State Trials*. Edited by F. M. Greenwood, B. Wright. University of Toronto Press; 2002.
16. Greer A. 1837–38: Rebellion Reconsidered. *The Canadian Historical Review*. 1995;(76):1-18.
17. Greer A. La république des homes, les Patriotes de 1837 face aux femmes. *Revue d'histoire de l'Amérique française*. 1991;(44):66-88.
18. Greer A. The Patriots and the People. University of Toronto Press; 1993.
19. Harvey LG. John O'Sullivan's 'Canadian Moment: The Democratic Review and the Canadian Rebellions. *Revolutions across Borders: Jacksonian America and the Canadian Rebellion*. Edited by M. Dagenais and J. Mauduit. Kingston; 2019. Pp. 215–216.
20. Heaman EA. Rights Talk and the Liberal Order Framework. *Liberalism and Hegemony: Debating the Canadian Liberal Revolution*. Edited by. JF. Constant, M. Ducharme; 2009. Pp. 147–175.
21. Jones BT. Republicanism and Responsible Government. McGill-Queen's Press — MQUP; 2014.
22. Kilbourn W. William Lyon Mackenzie and the Rebellion in Upper Canada. Toronto; 2008.
23. Kinchen OA. The Rise and Fall of the Patriot Hunters. Hassell Street Press; 1956.
24. Lamonde Y. Histoire sociale des idées au Québec: 1760–1896. Les Editions Fides; 2000.
25. Lindsey C. The Life and Times of Wm. Lyon Mackenzie. J. W. Bradley; 1862.
26. Little J. Loyalties in Conflict: A Canadian Borderland in War and Rebellion, 1812–1840. University of Toronto Press; 2008.
27. Lower ARM. An Unpublished Letter of Daniel Webster. *The New England Quarterly*;(12):31-66.
28. Modern JL. Secularism in Antebellum America. University of Chicago Press; 2011.
29. Morgan C. 'When Bad Men Conspire, Good Men Must Unite!': Gender and Political Discourses in Upper Canada, 1820s-1830s. *Gendered Pasts: Historical Essays in Femininity and Masculinity in Canada* Edited by K. McPherson, C. Morgan, N. M. Forestell, 1999.
30. Randall M. Les femmes dans l'espace rebelle: Histoire et fiction autour des rébellions de 1837 et 1838; 2013.
31. Read C. Rebellion of 1837 in Upper Canada. MQUP; 1985.
32. Read C. The Rising in Western Upper Canada 1837–8: The Duncombe Revolt and After. MQUP; 1982.
33. Read C. Edward Alexander Theller the 'Supreme Vagabond': 'Honest, Courageous, and True'? *Ontario History*. 1992; (84): 81–98.
34. Schrauwers A. Tilting at Windmills: The Utopian Socialist Roots of the Patriot War, 1838–1839. *Labour / Le Travail*. 2017;79(1):53-80.
35. Senior EK. Redcoats and Patriots: The Rebellions in Lower Canada 1837–38. Canadian War Museum; 1985.
36. Sewell J. Mackenzie: a political biography of William Lyon Mackenzie. Miles Kelly Publishing; 2002.
37. Shields DS. The Power to Be Reborn. *The American Revolution Reborn* Edited by P. Spero and M. Zimmerman. University of Pennsylvania Press, 2016.
38. Stavrianos L. S. The Rumour of Russian Intrigue in the Rebellion of 1837. *The Canadian Historical Review*. 1937;(4):368–389.
39. Verney J. O'Callaghan: The Making and Unmaking of a Rebel. McGill-Queen's Press — MQUP; 1994.
40. Wiltse Ch M. Daniel Webster and the British Experience. *Proceedings of the Massachusetts Historical Society*. 1973;(85):35–56.
41. Wilton C. Popular Politics and Political Culture in Upper Canada, 1800–1850. McGill-Queen's Press — MQUP; 2001.

Информация об авторе

И. М. Нохрин — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

I. M. Nokhrin — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.   The author declares no conflicts of interests.